

16+

Венецианская маска

Любовь Бортник

Любовь Бортник

Венецианская маска

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55346948

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-94858-7

Аннотация

Можно ли поверить в настоящие чувства, если за плечами долгие годы сухого и безнадёжного брака, который жил лишь благодаря уважению и жалости? Ника уехала из большого города в посёлок и встретила там человека, который перевернул её жизнь всего за несколько дней. Вскоре Николь сталкивается с загадочными обстоятельствами. Какие тайны скрывает тот, которого она называет "любимый"? Сможет ли она сохранить эти резко вспыхнувшие чувства? Какой выбор она сделает? Какие испытания её ждут на пути в новую жизнь?

Любовь Бортник

Венецианская маска

Открываю дверь на чердак и меня пронзает какой-то непонятный ужас. Никогда раньше я такого не испытывала. Вроде бы мне не было страшно, но что-то в то же время вселило в меня какую-то неуверенность в будущем.

Я открыла дверь. Всё было заставлено старыми предметами, сундуками, облачёнными белыми простынями. Я подошла к одному из них, открыла его. Там не было ничего интересного кроме старых женских платьев советских времен. Я подошла ко второму сундуку, открыла его. Там были какие-то старые книги, записки, перевязанные бечёвкой. Я заметила, что в углу чердака стоял большой шкаф, также укрытый простынёй.

Я стащила эту простынь. Шкаф был из какого-то чёрного дерева. Было похоже, будто покрасили углём или он подвергся огню. Я открыла этот шкаф. Он был почти пуст, ни полок, ни вещей, ничего, кроме маски. Венецианкой маски. Она была прекрасной, и в то же время ужасной. Много перьев красного цвета, сама маска была чёрной, с золотистыми вкраплениями. Я удивилась. В доме советских времён, среди вещей советских времён, лежит венецианская маска. Что это могло значить я не знала. Позже, я догадалась.

Этот домик в посёлке вологодской области я сняла ещё

летом. До меня здесь жила какая-то бабка, блокадница. Она умерла уже давно, а дом стоял и пустовал. Этот дом для меня нашла сестра. Она была успешным риелтором и быстро провела сделку. Я заплатила деньги, собрала вещи и сразу поехала, не зная, что меня там ждёт. Дом был замечательный. Двухэтажный, с мансардой, небольшим балкончиком и застеклённой верандой. В некоторых местах окна были разбиты, где-то их не было вообще. Но в целом дом был замечательный.

Помимо самого дома там был прекрасный сад. Ягоды, фрукты, всё своё, домашнее. Когда я приехала, сад ещё был в цвету. За домом находился небольшой пруд. Там были какие-то кувшинки, но он был поросшим тиной – видно, что сюда уже давно никто не приезжал.

Я не знаю почему меня потянуло так далеко от дома. Наверное, мне надоел мой муж, который постоянно мне изменял. Я это знала, и он знал, что я знала. Но мне было всё равно, потому что я его не любила.

– Устройся на нормальную работу. Хватит уже сидеть на моей шее.

– Ты знаешь, как тяжело мне найти нормальную работу. Ты знаешь, что я плохо лажу с людьми. Для меня картины – это всё, что у меня есть. Моя отдушина, моя пристань, мой причал, где я могу быть самой собой.

– Если бы твои картины приносили доход, я бы сейчас

молчал.

Мы поженились уже давно, как только я закончила школу. Год назад я узнала, что у него есть шестилетняя дочь от одной из своих сотрудниц. Он бизнесмен, успешный. У нас хватало денег, но не хватало тепла. Наверное, поэтому я уехала.

Мой муж всегда порицал меня за то, что я занималась своим делом. Я пишу картины. И может быть, это помогло мне выбрать именно этот дом, с этими пейзажами. Здесь было так спокойно, тихо. Мне даже удалось запечатлеть этот дом на некоторых своих картинах, но я обрисовала его немного в ином свете. Без захолустья, мрачности, наоборот. Таким, каким я хотела бы его видеть, таким, каким бы я хотела, чтобы он был для меня, в котором я бы провела остаток своих дней.

Я взяла маску в руки. Она была слишком тяжёлая для маскарадного атрибута. Больше на чердаке меня ничего не привлекло, и я спустилась обратно в гостиную.

Собственно, сидя там за чашкой чая, я услышала странные звуки наверху, из-за чего и поднялась на чердак. Это были не то шорохи, не то скрипы, не то шаги.

Спускаясь по лестнице, я рассматривала маску. В дневном свете она оказалась просто прекрасной, таинственной. На вид она была совершенно новая. Мне закрались мысли, кто мог подложить её в этот шкаф, кому понадобилось пробраться в заколоченный заброшенный дом, чтобы дать мне

этот знак. Значение его я всё равно не поняла. Я жила здесь уже больше недели, и более менее привела дом в порядок. Наняла строителей, которые установили новые окна и заделали прорехи в крыше. Уборкой дома внутри я занялась сама. Мне было это необходимо.

Я ещё немного задержалась на лестнице, разглядывая маску. Поборов размышления о том, кому это всё понадобится и зачем, я бросила её на столик, что был у лестницы.

Я снова села за чай и открыла одну из десятков книг, которые привезла с собой из Питера. Не дочитав и страницу, я вздрогнула от внезапного стука в окно веранды.

За окном я увидела молодого мужчину, достаточно привлекательного. И почему первым делом я подумала именно об этом? Я потрясла головой, отгоняя эти мысли.

Он был одет по-простому, но было件нятно, что вещи на нём не из дешёвых. Наверняка, какой-то местный чиновник, может даже глава района или что-то в этом роде. Слава Богу, я не разбираюсь в политике и во всём, что с ней связано.

– Вот уж не думал, что его кто-то купит!

– Я не покупала. Арендовала, на лето.

– Аа, тогда дела проще. Макс, – представился он, протягивая мне руку.

– Ника.

– Ника от Николь?

Я кивнула. На секунду возникла пауза, сопровождавшаяся неизвестным мне напряжением.

– Изначально я хотел поселиться именно в этом доме. Он стоит чуть поодаль от остальных, а пейзажи здесь просто невероятные. Видели вид на речку? Если бы я был художником, я бы точно нарисовал этот вид.

– Написали бы, -поправила его я.

– Значит, я не прогадала, и мне будет чем заняться здесь этим летом.

– А какие-нибудь свои картины покажете? Я ведь правильно вас понял?

Он заулыбался, и я заметила, как слегка покраснел. Подумал, а не ошибся ли он с выводами.

– Да, если вас это заинтересует, -я не сдержала улыбку в ответ.

Я предложила ему чаю и через некоторое время мы уже сидели на веранде, созерцая заросший пруд.

– Вам нужно почистить его. Дело минутное, а пользы сколько будет.

– Если бы мне кто-то в этом помог. У меня ведь даже инструментов никаких с собой нет.

– Ну, можно посмотреть, что осталось у меня в гараже от прежних хозяев. Уверен, там есть что-то подходящее.

Я дала понять, что одобряю его предложение.

– А давно вы здесь уже? Иногда я прохаживаюсь тут, как и сегодня утром, например, и до этого дня никого тут не видел.

– Чуть больше недели.

– Я живут тут больше года. Приехал прошлой весной. Так

надоел мне большой город, столичная суэта. Друзья отговаривали, «ну что ты там делать будешь?», «а как же работа?». А мне всё осточертело.

Макс откинулся на спинку стула. Воспоминания о прошлой жизни явно доставляли ему неприятные ощущения.

– А семья?

– Да нет, с этим я как-то никогда не спешил. А родителям всё равно. Мать уехала за границу когда мне и 15 не было, а отец занимается бизнесом, ему не до моих проблем.

Я погрузилась и он это заметил. Честно говоря, я не настроена была на разговоры о жизни и проблемах.

– Что-то я разоткровенничался.

Он улыбнулся, а потом несколько секунд помолчал.

– Вы откуда?

– Санкт-Петербург.

Он закивал головой, будто то, что я из Питера было написано у меня на лице, или он знал это заранее, или по крайней мере, догадывался.

Диалог не строился. Снова повисло напряжение. Я уставилась на заросший тиной пруд. Мне показалось, что вода и тина на поверхности слегка вибрировали. Я задумалась. Почувствовав на себе взгляд Максима, я повернулась к нему. Он пристально смотрел на меня.

Только не надо глупых подкатов, нормально же сидим!

– Вы знаете что-нибудь о венецианских масках?

– Масках? Тех, в которых на маскарады и карнавалы вся-

кие ходят?

Я несколько раз кивнула.

– Только то, что в них ходят на маскарады и карнавалы всякие.

Он улыбнулся, а я снова ему ответила. Но моя улыбка вдруг переросла в смешок, а потом и в настоящий смех. Максим поддержал меня.

– Я покажу вам кое-что.

Я принесла ему маску.

– Я нашла её сегодня, на чердаке, в большом старом шкафу. Там ничего не было, кроме неё. Ума не приложу, кто мог её туда положить и зачем.

– Вы тут одна живёте? Может, кто из знакомых побаловался? Но красиво. Не выбрасывайте, оставьте себе. Потом уедете домой, когда закончится аренда, заберёте её, будете вспоминать о хороших днях в этих местах.

– Я живу одна, и знакомых у меня здесь нет, кроме вас теперь. Не думаю, что это сделали вы. Да и когда я приехала, дом был заколочен, всё было в пыли. И то, что это строители которых я приглашала, я очень сомневаюсь. Простите, но больно они грубые для такой утончённой вещи.

– Действительно утончённая. А я всё вспоминал это слово. Оно как ни одно другое подходит к ней. Искусство, – воодушевлённо вздохнул он.

– Как думаете, она современная? На вид она совершенно новая.

– Может хорошо сохранилась. Не покажете ваш чердак?

Мы поднялись. Максим аккуратно открыл дверь, предвзвительно озираясь по сторонам. Он прошёлся по помещению, заглянул, как и я, в сундуки, а потом в шкаф.

– Учитывая, что на чердаке всё в пыли, и внутри шкафа тоже, если бы она лежала здесь долго, она бы тоже была в пыли. Что это за материал, бархат? На нём была бы хорошо заметна пыль. А посмотрите в шкаф, видите? Если бы маска лежала там хотя бы несколько дней, остался бы какой-то след, отпечаток можно сказать. Из всего мною сказанного, можно сделать вывод, что её подложили сюда уже в то время, как вы стали хозяйкой этого дома, пусть и временной. Возможно, это было сделано даже прошедшей ночью. Вы хорошо спите? Ничего не слышали, может шаги какие-то?

Он всем видом был похож на какого-то сыщика, но это было лишь игра, хотя и суждения его я не назвала бы ложными. Говорить о том, что утром я слышала странные звуки, доносившиеся с чердака, я не стала. Вдруг, он не сыщик, а психиатр. Профессии разные, но что один, что второй – помешанные, ищут ответы на загадки в происхождении некоторых вещей, и в большинстве случаев не замечают очевидно-го. Человек убил, потому что псих, а псих – потому что убил. Но не все убийцы психи, и не все психи – убийцы. Вот и вся логика. Работай, исходя от этого, и будет тебе счастье, повышенная раскрываемость преступлений и свободные койки в психбольнице. Ничего сложного.

Ах, если бы это было действительно так.

– Я сплю чутко, и если бы наверху было бы какое-то движение, слышала бы.

– Это становится интересным.

Он посмотрел на часы на своей руке и поворошил волосы.

– Мне нужно возвращаться домой. Есть небольшие, но важные дела. Если не против, я приду к вам снова. Может, что-нибудь за это время прояснится. Расскажите мне.

Я согласилась.

Проводив Максима, я снова уселась за чай. И снова слышались тяжёлые медленные шаги, будто кто-то очень не хотел быть замеченным. Я вздрогнула. Выбежав на веранду в надежде, что Максим не ушёл далеко, я увидела у пруда сидящего мужчину.

Дрожь и холодок пробежали по спине.

Он был обнажённым, грязным и очень худым, костлявым. Волосы были седые и редкие. Он теребил их, будто его голову изъедали какие-то насекомые.

Я очень боялась издать хоть какой-то звук. Я взяла вазу, что стояла на столе на веранды, цветы вытянула и положила на подоконник. Медленно открывая дверь, я стискивала вазу в руке. Только я хотела окрикнуть этого человека, как он обернулся и обратился ко мне.

– Он придёт ещё. Он ко всем приходит. Он любит поиграть.

Я остолбенела.

– Кто вы такой? Почему вы раздеты? Вам нужна помощь?

– Нет, чёрт тебя подери! – он подпрыгнул и направился ко мне, а я не могла пошевелиться, -помощь нужна тебе.

Когда он подбежал вплотную к двери, я попыталась её закрыть, но он начал ломиться ко мне в дом, то и дело протягивая ко мне свои костлявые руки, будто хотел схватить меня.

– Он придёт, придёт, и тебе опять будет больно. Он опять тебя убьёт, ты опять будешь гореть.

Потом он сошёл на крик, душераздирающий, мучительный крик.

– Уходи, уходи! Прошу тебя, уходи!

Звуки наверху вылились в грохот, неприлично громкий, и я обернулась от испуга. В этот момент мужчина отпустил дверь и ринулся прочь. Я прижалась к закрытой двери, продолжая стискивать вазу. Надо было взять номер Максима...

Грохот наверху стих так же резко, как усилился. Несколько минут я стояла недвижима.

Когда меня отпустило, я прошла в гостиную. Я абсолютно не понимала, что всё это было. Эта шаги, этот мужчина, эта маска. Она лежала на журнальном столике, хотя я отчётливо помнила, что после того, как показала её Максиму, положила её обратно на столик у лестницы.

Наверное, я сошла с ума, или кто-то пытается специально свести меня с ума.

Я размышляла над словами того старика. Откуда он вообще взялся? У меня появилось множество вопросов к Максиму. Я очень ждала его прихода, надеялась, что он поможет мне разобраться. Ночью я долго не могла уснуть. «Он придёт, тебе опять будет больно, он опять тебя убьёт...»

Дома было тихо, я успокоилась и смогла уснуть.

Весь следующий день я ждала Максима, но он не пришёл, и ещё через день тоже. С момента нашего знакомства прошло 4 дня, а он так и не появился.

Я решила прогуляться до реки, посмотреть на виды, о которых мне говорил Максим. Взяла с собой краски, кисти и мольберт. Проходя мимо маски, меня пробил дрожь. Я решила взять её с собой. Если уж не удастся нарисовать пейзаж, нарисую её. Инструменты и маску я сложила в сумку, тубус и мольберт закинула на плечо, как могла. Я уже подходила к дверям, но завозившись с ключами, не заметила стоявшего у порога Максима. Он спокойно осматривал дом, но не торопился постучать, будто знал, что скоро я должна выйти сама.

– Добрый день! Собрались к реке? Самое время. Погодка-то позволяет. Получится отличная картина.

Он улыбался мне, и протянул руку, предлагая помощь. Я не стала отказывать и отдала ему мольберт и тубус.

– Ну что, как вы тут поживали эти дни? Простите, не смог прийти раньше, – он стал оправдываться. Быстро он понял, что это было непозволительно долгое ожидание после

его обещания, – мне прислали дела из столицы, нужно было разобраться с ними. Надеюсь, вам не требовалась моя помощь в эти дни.

– Нет, всё было спокойно. Никаких происшествий.

Чтобы он посчитал меня сумасшедшей? Ну уж нет. В то, что произошедшее со мной было правдой, могла поверить только я.

– Да? Тогда, я очень рад, – снова улыбнулся. И до чего же хорош он с этой своей беззаботной улыбкой, чёрт побери.

– Вы будто расстроились, что ничего не произошло, или удивились, потому что были уверены в обратном.

– Хотел потешить своё самолюбие и поиграть в героя, всего-то. Но вы мне и этого не позволили. Ну хоть мольберт донесу, – он снова засмеялся, а я улыбнулась в ответ, глядя на него, но он смотрел под ноги.

Тогда на веранде, на мгновение, мне показалось, что он заинтересовался мной. Как хорошо, что я ошиблась.

Мы вышли к реке. Мне открылся удивительный вид. Мы оказались на обрыве, который тянулся метров на 20, а дальше – река. Меня вдохновил этот вид, и я села за мольберт. Несколько минут я пыталась начать писать, но что-то не давало покоя. Мой спутник задумчиво глядел в расплывающийся горизонт.

– Сегодня будет гроза. Видите? Какие облака густые, тяжёлые.

Я не могла сосредоточиться на картине, мои мысли изъ-

едал тот старик у пруда, с его красными глазами и костлявыми руками, тянущимися ко мне.

–Максим, – он оставался смотреть на облака, был неподвижным и безучастным.

–Максим! – он оглянулся на меня, растерялся, а я заглянула в его глаза. Они были такие глубокие, задумчивые, и удивительно прекрасные. Он принял положение, говорящее, что он готов меня слушать.

– После того как вы ушли от меня в тот день, буквально через несколько минут... В доме послышались какие-то странные звуки, типа шагов, шорохов. Мне стало жутко, и я хотела вернуть вас, но вы уже скрылись из виду. Возможно... Я не обратила внимания, моё внимание было приковано к другому. У пруда сидел какой-то мужчина, полностью обнажённый, костлявый, такой неприятный... Он начал говорить мне странные вещи, что я должна уйти, что мне снова будет больно. Может быть, это какой-то беглый преступник или пациент? Возможно он не представлял опасности, но вкуче с таинственными звуками он произвёл на меня мрачное, пугающее впечатление.

Максим стал очень встревоженным, взгляд стал суровым и обеспокоенным, но оставался прекрасным. Последний раз я видела такой взгляд у мужа, когда он узнал о смерти отца.

– Простите, Ника, но я вспомнил о неотложных делах. Надеюсь, вы вернётесь домой раньше, чем начнётся гроза.

– Конечно. Не беспокойтесь. Дела не должны ждать. Мак-

сим! Не могли бы вы оставить мне свой номер телефона, на случай, если у меня тоже появится к вам неотложное дело.

Он оставил мне номер и очень быстро зашагал в сторону моего дома. Путь к его дому пролегал именно через мой палисадник, других троп или дорожек не было.

Работа у меня не клеилась, а гроза была ближе и ближе. Послышались первые раскаты грома. Я собралась и поспешила домой.

Было около девяти вечера, когда стихия разыгралась не на шутку. Молнии сверкали то в одном окне, то в другом, озаряя мою гостиную. Я сидела при тусклом свете ночника, но вдруг свет погас.

Стало абсолютно темно, а с улицы был слышен вой ветра и бешеный стук дождя. Просидев в такой темноте минут 20, я услышала стук в дверь. Я взяла фонарик и поторопилась открыть. На пороге стоял он.

Весь мокрый, съёжившийся, он щурил глаза от фонарного света. Ливень стекался по нему горной рекой, его белая рубашка прилипла к телу и я разглядела его прекрасную фигуру. Волосы то и дело падали на лицо, а он манящим движением убирал их назад. В эту непогоду он был умопомрачительно красив. Я наверное выглядела очень глупо, рассматривая его, любуясь им, в такой момент.

Он что-то кричал мне сквозь шумевший дождь, но я не сразу поняла.

– Оборвало провода, всё завалило деревьями. У тебя всё

хорошо? – кричал он, а я стояла как вкопанная. Я медленно покачала головой. Он взял на себя смелость войти.

– Не свети мне в лицо, – сказал он, отобрав от меня фонарь.

– У тебя точно всё в порядке? Когда погода разбушевалась, я заволновался. Ты всё-таки здесь одна, да и дом старый, вокруг деревья. Боялся, что одно из них могло упасть на дом.

Я наконец опомнилась. Быстро же мы перешли на «ты»... Но я не стала соблюдать формальности.

– Со мной всё в порядке. Отключили свет. Ты сказал, оборвались провода. Долго их будут чинить?

– Сейчас никто туда не полезет. Как буря утихнет, пошлют бригаду, и всё починят. Не переживай.

– Ты мокрый насквозь! Что же это я, проходи.

Я сбегала за полотенцем для него, предложила чай, и мы сидели в гостиной, беседовали под шум ливня, грохота грозы, и выстрелы молний.

Я покопалась в ящиках и нашла старые свечи, весьма ещё пригодные для использования.

Теперь гостиная озарилась светом мерцающих огоньков, а атмосфера стала более спокойной, менее зловещей.

Максим обсушился и стал прохаживаться по комнате.

– Давненько такой погоды тут не было. Столько домов обесточено. Кошмар какой-то!

– Да... Очень хорошо, что ты пришёл.

Я оглянулась. Максим стоял у стола возле лестницы и рассматривал маску. Я решила подойти к нему.

– Таинственная вещица, однако. А не хочешь примерить?

– Что? Что?? Её? Нет, уволь. Она не внушает мне доверия.

– Да брось ты, это всего лишь маска! Чьи-то шутки, не более. Может, тот мужик оставил её у тебя, или наоборот, искал её. Может это чей-то пропавший подарок. Но она прекрасна! Глупо отказываться от примерки, – он улыбнулся и передал маску мне.

Я смотрела на неё, этот контраст чёрного бархата с яркими красными перьями завораживал. Я была изумлена.

Максим взял мои руки в свои.

– Примерь же!

Я поднесла маску к лицу. От неё не очень приятно пахло, чем-то горелым или сотлевшим, я не поняла.

Сквозь маску я посмотрела на него. В этот момент наши взгляды по-настоящему встретились, прониклись друг другом. До этого мы смотрели друг на друга поверхностно, но сейчас всё было иначе. Я невольно поддалась вперёд в ответ его наклону и почувствовала на губах его дыхание.

Оно было частым и сильным, таким, что мои волосы колыхались. У меня было желание поцеловать его, и это желание оказалось непреодолимым.

После поцелуя я почувствовала на губах его шёпот.

– Ты так прекрасна в ней...

Меня пробил дрожь, а мурашки пробежали от макушки

до самых пят.

После стольких лет сухого, бесчувственного брака, я вновь ощутила, что желанна, вновь моё сердце трепетало, будто мне 17 лет, а это – первое свидание и первый поцелуй.

Я сняла маску, но Максим в этот момент отстранился. Он снова засуетился, разволновался.

– Прости, но мне нужно проверить как дела дома, всё ли в порядке там. Если никаких проблем нет, то я вернусь очень быстро. Не хочу, чтобы ты оставалась тут одна на долго, – снова улыбнулся, открывая дверь на улицу и исчезая в темноте непогоды.

Через пару часов всё утихло, но света так и не появилось. Я долго просидела в гостиной, выпила 3 или 4 чашки чая, но Максим так и не пришёл. Меня потянуло в сон и я стала подниматься наверх, в спальню.

Утром я проснулась от брызжущего в комнату солнца.

– Проверим, есть ли электричество.

Я зажгла ночник у кровати, и он загорелся. Прекрасно.

Время было уже за полдень, когда я решила набрать Максима. Его номер не отвечал. Я набрала снова – в ответ всё тот же компьютерный голос.

Погода была чудесная, и я решила прогуляться. Конечно, истинной моей целью был поиск Максима.

Я вышла из дома, прошла по тропинке, и очутилась в центре посёлка. Людей было не много. Резвились дети, прогуливалось несколько старушек. Я увидела вдалеке магазин-

чик и направилась к нему. Когда я подошла ближе, из него вышла пожилая дама, не похожая на тех бабушек, что гуляли по посёлку. Она была утончённой, прекрасно одетой. Её походка была грациозной и статной. Она была настоящей леди. Я остановила её.

– Извините! Добрый день, я Ника. Я снимаю вон тот дом, на овраге. Вчера была такая ужасная погода, я очень испугалась, но мне на помощь пришёл кое-кто из местных жителей. Он ушёл от меня вчера, когда буря ещё была в разгаре. Я переживаю, не случилось ли с ним что. Он не отвечает на телефон.

– Кого вы ищете, милочка? Я помогу вам быстрее, если вы скажете хотя бы имя этого человека, – женщина улыбнулась, и такое выражение лица придало ей ещё больший шарм.

– Максим. Его зовут Максим. Фамилию к сожалению я не знаю.

– Мне очень жаль, дорогуша, но я не смогу вам помочь отыскать его, – женщина помрачнела и стояла в задумчивости.

– Почему же?

– Вчера ночью... А впрочем, отправляйтесь к нему домой, там вы всё узнаете.

Я не на шутку разволновалась. Женщина указала мне дорогу к дому, где жил Максим.

Место оказалось потрясающим. Теперь-то я поняла, почему он купил этот дом, а не мой. Это был настоящий особ-

няк. Не высокий, не слишком уж габаритный, но изысканно отделан как снаружи, так и внутри.

Я постучалась. Мне открыла пожилая женщина.

– Извините, мне сказали, что Максим живёт здесь. Могу я увидеть его? Я хотела поблагодарить его за помощь прошедшей ночью.

– Проходите, – женщина была абсолютно безучастной. Она проводила меня в зал дома, который как я и говорила, внутри был просто роскошен. У камина, в кресле, сидел какой-то мужчина.

Подойдя ближе я узнала его. Тот самый старик у пруда, который до смерти напугал меня. Какое отношение он имеет к Максиму? Почему, когда я говорила ему о случившемся происшествии, он ничего не сказал?

Подойдя вплотную к мужчине, я заметила, что он был весь в синяках, ссадинах, левая нога была перебинтована.

– Извините, я ищу Максима. Мне сказали, что он живёт здесь. Могу я увидеть его?

Мужчина слегка дёрнулся. Напрягшись, он повернулся ко мне полу-боком.

– К счастью, нет, вы не можете его увидеть. Его больше нет.

– Что простите?

– Вчера ночью он полез в транспарант и его ударило током. Такой ливень... Нужно иметь совсем мало мозгов или не иметь их вообще, чтобы в такой ливень полезть в элек-

трический щиток.

Ну нет, это шутка какая-то?

– Вы меня простите. На днях я здорово напугал Вас. Я был не здоров, но сейчас всё в порядке и мыслю совершенно отчётливо.

– Извините, Максима – что?

– Больше нет! Присядьте.

Я подчинилась. Ноги совсем меня не слушали, мне было нечем дышать, и я попросила воду. Сделав пару глотков, мне стало легче.

– Вы знаете, кто это?

Дед протянул мне фотографию. На ней была изображена прелестная девушка, и на мгновение мне показалось, что она похожа на меня. Те же кари-зелёные глаза, те же каштановые волосы, даже способ укладки похожий. Я недоумевала.

– Это Кристина.

Тут начался рассказ, принёсший в мою душу хаос.

– 5 лет назад, одна красивая девушка и один прекрасный молодой человек столкнулись в дверях кинотеатра и с тех пор не расставались. Ей было 18, ему 26. Она ещё училась, а он уже был подающим надежды адвокатом. После того, как девушка закончила учиться, она пожелала вернуться из Москвы в родную область, где её с нетерпением ждал дедушка. Там они купили красивый домик. Это было чуть больше года назад.

Чем женственнее становилась девушка, тем больше её

ревновал муж. И вот, спустя почти 3 года законного брака, муж увидел свою Кристину в отделе одежды. Продавец, молодой парень, улыбнулся ей, упаковывая новое платьишко.

Подозревая жену в измене он утопил её в пруду за старым домом, который раньше принадлежал её бабушке и дедушке. Старик застал его на месте преступления, а парню не нужны были свидетели. Тогда он избил старика и выгнал на улицу. Тому пришлось прятаться, голому и босому, в старом домике, в котором раньше он жил со своей женой – бабушкой – блокадницей.

Он успешный адвокат, замял это дело, опека сначала забрала меня в дом-инвалидов, но он вернул меня домой, чтобы издеваться дальше.

Я не могла встать, не могла пошевелиться. Я была шокирована правдой и сломлена смертью.

У меня не укладывалось в голове, как Максим и тот, кого мне описал старик, могли быть одним человеком? Это светлое лицо, эти ясные глаза, когда-то были запятнаны кровью.

Но в то же время, я не могла не поверить этому старику. В его взгляде было столько боли, но не это говорило о правде. В его взгляде было облегчение.

Через 2 дня я уже ехала в поезде, идущим на Санкт-Петербург. И пусть дома меня снова ждали безразличие и лицемерие, я не могла оставаться в месте, где жестокость тек-

ла рекой. На коленках у меня лежала папка с рисунками, я придерживала её левой рукой, а правой – сжимала, лежащую в сумке, венецианскую маску.

Тело между нами

Сжимая в руке стакан латте с зефирками я прогуливалась мимо торговых центров. Их зеркальные витрины манили меня, можно было смотреть на поток людей, и в то же время не смотреть на них и не показывать себя. В такие моменты я ловила множество образов. Девушка в красном платье, которое развивалось на ветру, а она придерживала его руками. Её длинные пшеничные волосы то и дело закрывали её маленькие зелёные глазки, что раздражало девушку. А вот старик, горбатый, но одет просто прекрасно. В петлице желтая розочка, в руках букет ромашек. А вот молодая мама тащит за руку своего сынишку, две девушки в чёрном перебегают дорогу, мужчина идет из кафе, спеша вернуться к делам в своём бизнес центре, парень в татуировках и больших наушниках, Максим.

Я долго смотрела на его отражение. Обернулась. Никого. Прошло несколько недель с того момента, как я уехала из Вологды. И если сначала я вспоминала его каждую минуту, то со временем мысли о нём посещали реже и реже. Но сейчас он снова дал о себе вспомнить. А что, если он не умер...

Я попивала белое вино, листала ленту инсты. Мне были особенно интересны аккаунты современных художников. В одном из таких аккаунтов я увидела фото. Я вздрогнула. Маска! Та самая маска, нарисованная неким "mort_of_nature". Я связалась с ним, но ответа долго не было. Каждые 5 минут я проверяла директ, но тишина.

– Ох, ну и намучилась ты! Каково это, а? Знать, что твой муж спит с другой, да ещё и ребёнок...

– Мне всё равно. Кира... Ты знаешь, что он всегда хотел семью, а я всегда хотела быть как можно дальше от всего этого.

– Ну да, ну да. А что с картинами? Ты пишешь новые? Продала что-нибудь?

Я помотала головой.

– Только те, что писала прошлым летом в Латвии, и то пару штук. Отчасти, он прав. Я не настолько талантлива, чтобы называть себя художником.

– Да брось ты, он просто ничего не понимает, он бизнесмен. Он видит во всём формулы и строгий расчёт, ему нет дела до возвышенных дум. Ты прекрасно пишешь! Тебе нужно заняться рекламой...

Кира всегда переводила сложные разговоры в лёгкую непринуждённую беседу. И всегда эта беседа заканчивалась жалостью ко мне и переоцениванием моих достоинств.

"Привет. Мне поступало много сообщений, поэтому отве-

тил не сразу. Эту маску я взял у одного парня. Он работает в каком-то мини-театре. Она была у него в числе реквизита. "

"Спасибо за ответ! Ты можешь дать мне контакты этого парня из театра?"

"Да. Вот его страница "..."

Я связалась с Андреем, парнем из театра. Мы договорились встретиться в парке и поговорить с глазу на глаз.

– Андрей? Большое спасибо что пришёл.

Я показала фото маски, и Андрей сразу её вспомнил

– А не помните Максима? Он брал её как-то у вас, в аренду что-ли...

– Эм, знаете, у меня много кто берёт реквизит в аренду. Для фотосессий например. Один раз у меня взяли костюмы барона и баронессы. Парочка одна, приезжие. Вернули в таком состоянии, что для реставрации столько потратил, что лучше б новые купил. Они были старые, костюмы в смысле, ха-ха... Так вот, платье грязное, камзол с оторванными...

– Очень интересно, знаете ли... – как же он взбесил меня. Давай к делу ближе! – Но я спрашивала про маску, и человека, который её брал в аренду. Его зовут Максим.

– Ах, маска, да-да. Помню. Он её так и не вернул. Я связывался с ним потом. Сказал, что сгорела при неаккуратном обращении с огнём. Я попросил возместить ущерб, больше десятки ведь отдал за неё, не рублей естественно! Я ведь не только в театре работаю, я в первую очередь коллекционер. Эту маску я выкупил на одном аукционе в Милане. Ну и на-

роду же там было! А сколько лотов... Но мне хватило только на маску, ха-ха. Ещё там была шпага выставлена, за 25 штук, евро разумеется. Один богач из Украины выкупил её и ещё несколько лотов. Взглянуть бы на его коллекцию, наверняка в ней...

– Большое спасибо за рассказ! Вы не знаете, где он может быть?

– Наверняка, путешествует по миру. С такими деньгами не путешествовать просто кощунство какое-то...

Я закатила глаза и только хотела сказать о Максиме...

– А, вы о этом парне. Нет, я с ним ведь не знаком даже! Понятия не имею, где он может быть. Да и знаете, не интересно мне это даже...

– Спасибо за встречу.

Я торопливо пожала его руку двумя руками и поспешила обратиться подальше. Ну и зануда!

Так, теперь я точно знаю одно – этот Андрей настоящий балабол! И он не знает, где может быть Максим.

Вечером, сидя перед окном с чашкой крепкого чая в руках, я смотрела на заходящее солнце. Этот день умирал, но скоро наступит новый, ещё лучше прежнего. Мне вдруг подумалось... А что, если он действительно умер. Но не может такого быть, я бы почувствовала.

Да, он жив, но мне что с того? Что это даёт мне? Где мне его искать? И если найду, то что сказать? Неизвестность, неуверенность – вот что сопровождали меня последние дни,

недели...

– Вот почему я завёл любовницу. Если ты не прекратишь, то нам лучше развестись. Все эти годы я жалел тебя... Ты ведь никому не нужный "художник", – он сделал движение двумя пальцами, указывая на кавычки, – при разводе останешься одна, без средств к существованию. Что ты будешь делать, как жить? Мы провели рядом ни один год, и мне не всё равно на твою судьбу. Я не хочу, чтобы ты сгнила в нищете в каком-нибудь деревенском доме, умирая от жажды, голода и заползающих во все щели тараканов.

– Продолжай...

– Да, я жалел тебя, и жалею сейчас. Поэтому прошу, начни думать головой, хватит витать в облаках! Неужели это так сложно? Убраться в комнате, приготовить поесть. Я разве много у тебя прошу? Неужели ты даже на это не способна?

– Не жалей. Никогда никого не жалей, потому что никто никогда не пожалеет тебя.

– Остановись! Так, мне надоело это. Если всё вновь повторится, если ещё раз я увижу тебя в таком состоянии... Тебя даже не спросят, хочешь ты развода или нет, я всё решу сам.

Вот так муж отчитал меня за бардак в комнате, несколько валяющихся пустых бутылок из-под вина и "пустой холодильник".

Я говорила ему сразу, что не создана для этого.

Я сидела в парке, делала вид что читала книгу. На самом деле, я будто смотрела сквозь неё. Мыслями я была с ним. Он был так открыт со мной. Он был первым и единственным, кто слушал меня, глядя мне прямо в глаза, кто воспринимал меня в серьёз.

И как в этом человеке могло столько всего уместиться? Такая жестокость, и такая... Я не могла подобрать нужное слово. Сострадание? Милосердие? Доброта? Искренность? Любовь. Она была во всех его движениях, в каждом его взгляде. Любовь к жизни, ко всему, что ею сопровождается. К ветру, погоде, проблемам, боли, страданиям, смерти. Любовь к жизни. Он был самой любовью, её воплощением в реальном мире, воплощением, которое можно потрогать, почувствовать, которое можно испытать...

Эти мысли стали слишком откровенны!

Хотела бы я залезть под его кожу и прочувствовать всё то, что чувствовал он.

Он жив, я это знала. Ничего об этом не говорило, но я это знала. Может, я просто слишком этого хотела... Но почему?

Такой простой вопрос "Почему?", но ответа на него не найти порой самым прославленным мудрецам.

Я скучаю по нему? Почему? Я хочу его увидеть? Почему? Я хочу, чтобы он жил? Почему? Я люблю его? Почему?

Почему...

Наверное потому, что я не знала большего. Меня никогда не любили страстно и нежно, во мне не видели женщину, ху-

дожника, личность. Меня попрекали деньгами и положением. Мой муж дал мне почти всё. Деньги, достаток, возможности. Я ни в чем себе не отказывала. Он потакал моим прихотям. Но он не дал мне всего лишь крохотную малость, всего чуть-чуть не хватило нам для счастья – любви. И лучшего, чем свой муж, я не видела и не знала. И когда появился тот, кто слушал меня с "открытым ртом", я поняла, что есть то, о чём пишут в книгах, поют в песнях и показывают в фильмах.

Кто-то готов умереть ради этих трёх слов: Я люблю тебя.

Я была готова на многое, чтобы услышать: Я жив.

Что мне с его любви, если его не будет?

А может, то что между мной и мужем и есть любовь? Терпимость, сдержанность, жертвенность. Может мне хватит и этого до конца моих дней?

Если только конец наступит сегодня.

Мысли в моей голове катались на байках с рёвом ангорских баранов.

Я пришла домой разбитой и опустошенной. Я не могла отличить реальность от выдумки. Что именно я придумала себе?

Утром я отправилась в центр. Кира ждала меня в одной маленькой кафешке, где мы часто беседовали. Она хотела что-то рассказать мне. По её словам это очень важно, но может задеть мои чувства, и "если ты не хочешь, поговорим о чём-нибудь другом".

– Если бы ты только видела её! Кажется, она старше его вдвое.

– Она моложе меня на 4 года.

Так мы закончили беседу о любовнице мужа, которую, в его компании, увидела Кира, когда вчера возвращалась от своего "друга".

Официант принёс счёт.

920 рублей и "ты будешь искать меня дальше?" на салфетке.

Я не могла больше продолжать беседу с Кирой.

В зале я нашла того официанта, что приносил нам счёт.

– Кто это вложил внутрь? Вы знаете, где его найти?

– Вы о чём, девушка? Простите, я не заметил. Приношу свои извинения, мы сейчас же...

– Нет, нет, мне нужно лишь знать, кто это отправил. Мне нужно передать ответ.

– К сожалению, я ничем не могу помочь. Даже ума не приложу, как это оказалось внутри. Папка была всегда со мной. Наверное, это какая-то ошибка, и прошлый клиент оставил это...

– Ясно.

Я выбежала из кафе.

Надеяться на помощь этих ...Эх, как бы выразиться помягче! Официантов... Они выслуживаются перед каждым, лишь бы заработать побольше чаевых, но кто вложил записку он не знает! Ладно, в конце концов, здесь полно людей,

он бы всё равно не запомнил.

Может это правда ошибка? Ну уж слишком подходящая ошибка получается!

Я не могла сдержать эмоции.

Ох и напилась же я... Муж хотел, чтобы я сделала ужин? Поест у любовницы.

– Вот почему я завёл любовницу! Если ты не прекратишь, то нам лучше развестись...

Вот так муж отчитал меня за бардак в комнате, несколько валяющихся пустых бутылок из-под вина и "пустой холодильник".

Я говорила ему сразу, что не создана для этого.

– "Смотри на меня, смотри. Почувствуй свою энергию, которая исходит из тебя. Когда почувствуешь, приглядиись. Попробуй увидеть мою. Когда увидишь, протяни руки вперёд. Не теряй эту связь. Ты чувствуешь?" И меня словно током пробило. Из нас исходило две энергии, соединяющиеся в одну, в какое-то тело между нами... Мы сидели друг против друга, по-турецки. И мы будто были не в реальности, а как в космосе – витали в невесомости, только вокруг был не космос, а какая-то странная материя...

– Звучит как бред.

– Да, но это был интересный сон. Очень красивый. Цвета такие насыщенные, но в то же время нежные, розово-молочные. И Максим...

– Ты слишком много о нём думаешь. Витаешь в облаках! Ты ведь творческая натура, тебе это свойственно. Может, напишешь картину? Ну то, что приснилось.

– Звучит как бред.

– Да.

Кира первая, кому я рассказала о Максиме. Но конечно только то, что ей можно было знать. А именно, что я познакомилась с ним, когда жила в Вологде, а потом он куда-то исчез, из-за чего я и уехала, и теперь я не могу его найти.

А если бы он не исчез? Если бы он не был тем, кем был, осталась бы я с ним?

Покончено. Все положенные формальности соблюдены.
"Разведена"

Всё, что мне осталось от этого брака, больше мне не принадлежало – я продала, а на вырученные деньги купила себе домик. В вологодской области. Старенький. С удивительной историей и аурой. Сестра снова помогла мне, проведя сделку купли-продажи вместо меня. Она была прекрасным риелтором, и могла угодить даже самому привередливому покупателю.

Я снова оказалась в этом месте, но теперь знала, что меня тут ждёт. А ждёт меня – долгие поиски. Вопросов, ответов, Максима.

С собой я взяла лишь самые необходимые вещи, подумав, что всё что понадобится в будущем, куплю на месте,

или съезжу в центр. На крайний случай попрошу Киру или сестру привезти мне то, что надо. Но этого не понадобилось. Оказывается, в этом маленьком посёлке есть магазины, а в них – всё что нужно для комфортной жизни.

В прошлый раз я знала, что если мне что-то не понравится, я могу вернуться. В свою квартиру, где горячая ванна, хороший вайфай, и город, где много мест, где можно выпить кофе. Сейчас же я осознавала, что в любом случае, понравится мне тут, привыкну я или нет, возвращаться мне некуда. Да, меня могла бы приютить сестра, ненадолго, или Кира, она всё равно часто в разъездах. Её жизнь наполнена красками. Она успешный дизайнер, заказы она нередко получает и из заграницы, путешествует и работает одновременно. И в это же время умудряется флиртовать с иностранцами! Хотя однажды она призналась, что по-настоящему без ума она только от русских мужчин.

А по мне все мужчины одинаковы. То есть национальности. Порядочные есть везде, и её обожаемые итальянцы тоже могут быть не просто несносными, а настоящими тиранами или деспотами, или чаще – просто засранцами!

Но среди всего есть исключения. Есть такие люди, не мужчины в частности, а люди вообще, к которым тянет как магнитом. И это не звёзды Голливуда или поп или рок- звёзды. Это обычные люди, мимо которых проходишь и понимаешь – Природа действительно гениальна в своём творении.

Я не знала с чего начинать поиски. Была мысль навестить дедушку, но как только я решилась на это, узнала, что он отправлен в больницу. В какую именно мне не было интересно. Я не собиралась бегать за стариком, вряд ли он рассказал бы мне больше, чем в прошлый раз, да и ещё к большей правде я не была готова.

Я полагала, что если он действительно умер, то его должны были похоронить. Наверняка есть те, кому он не был безразличен. Эта мысль привела меня естественно на кладбище. Оно было достаточно большим, здесь лежало не одно поколение. Находилось оно, кстати, за рекой, на другом берегу. Практически напротив того места, где я пыталась писать картину. Я не разглядела его тогда, потому что оно окружено густым лиственным лесом. Некоторые могилы заходили за основную территорию кладбища. Я искала именно те, которые появились тут недавно.

Я подошла к ряду надгробий и стала внимательно их изучать. "...ва Кристина ...вна. 01.08.1996 – 04.05.2018" Могила убрана, стоят свежие цветы. А рядом ещё одна, и достаточно свежая. Я боялась поднять глаза на надгробный камень, я не была готова увидеть "Максима" на нём. Но я ведь для этого и пришла! Убедиться. А что, если это он? Зачем я тогда приехала сюда и как мне тогда дальше существовать в этом месте.

Я подняла глаза и земля под ногами закружилась. Могила была в опрятном состоянии, видимо лишь потому, что

сделана недавно. Простой деревянный крест, сколоченный чьими-то не очень умелыми руками, без надписей, без дат и имён. Только фото внизу. Его фото.

Как не любили его, как он никому не был нужен, если даже на могилу его и венка не принесли. Просто зарыли в земле и поставили крест, будто он был самым плохим на этом свете!

Неужели нет у людей человечности... Ну и что, что он не был порядочным человеком. В этом и отличие порядочных людей – относится ко всем одинаково хорошо, не смотря на то, сделал человек что-то ужасное или нет. Наверное, это даже героизм- прощать людям ужасные поступки и относится к ним с состраданием и уважением к его природе.

Именно это я и делала. Я уважала его природу. Он был таким, каким был, и никому не стоит судить его, потому что никто никогда не жил в его теле. Я догадывалась, что причина его жесткости в чём-то была скрыта. Детские психологические травмы, буллинг со стороны сверстников в школе, безответная любовь... Причин предостаточно, и они могут быть от самых несерьёзных до глобального масштаба, когда человеческая природа меняется и переворачивает всё с ног на голову, и человек не может адекватно оценивать себя и свои поступки.

Но память об этом человеке мне хотелось сохранить. Хотелось, чтобы он и после смерти был достойным. Я ничего больше не могла, не могла никак объяснить людям, что он

тоже был достоин понимания. И я решила, что посмертная память и уход будут не лишними, как минимум.

На рынке я купила цветы для посадки, и ещё 2 пары красных гвоздик. Я стояла напротив его могилы и рассматривала фото. Аккуратно посадила в песок цветы, в банку с водой поставила гвоздики. И только когда я собиралась уходить, я увидела, что за фотографией лежит конверт. Он был и раньше там, я просто не заметила его, или кто-то подложил его, после моего ухода? Для кого он? Если для меня, то как этот кто-то узнал, что я здесь, и почему был уверен, что приду снова?

Я осторожно взяла конверт, на нём не было ни подписи, ни адреса, ничего в общем. Внутри – письмо. Ну что же... Даже если оно адресовано не мне, мне некому будет рассказывать тайны, изложенные в нём.

"...Ты ещё не передумала меня искать? Если не передумала, то я буду ждать ответа. Положишь его сюда же.

А теперь успокойся. Я не мог просто появиться перед тобой. И не мог сказать раньше, это бы выдало меня. Дедушка пристально следил за мной. Он давно хотел убрать меня за решётку. Сейчас же почти всё кончено. Он в псих больнице, моё дело закрыли за недостаточностью улик. Признаюсь, мои связи помогли мне в этом, но я не хочу гнить в тюрьме за то, что мучился несколько лет, а потом пытался спасти причину моих мучений. Я всё объясню. Это сложно. Не в письме.

Я приду к тебе, если ты этого захочешь."

Я сжала письмо, которое наполовину пропиталось моими слезами.

Я не могла о чём то думать, кроме как о письме. Я планировала написать ответ, но не знала, какой мне быть. Я была рада, что он жив, но мне было страшно и больно из-за того, что он был таким. Он сказал, что может объяснить всё... Дедушка в психушке... А не он ли его туда отправил, а, Ника? Не думала об этом? Хватит идеализировать его!

"То, что ты сделал, ужасно. Ты должен был понести за это наказание, но избежал его. Я не скрою, что рада, что ты жив. Я искала тебя. Помоги мне избавиться от чувства, будто я что-то упустила в твоей истории. Помоги мне понять тебя"

Я надеялась, что он поймёт, что я зову его.

Вечером я сидела у камина и читала книгу, над которой потом стала засыпать. За окном тихонько стучал дождь, в доме было темно, но мне хватало света от огня в камине. Мне было уютно и безопасно. Я впервые за долгое время чувствовала физическое спокойствие, но мысли мои кружились снежинками в хороводе вокруг пальмы.

Сердце забилося чаще и дыхания стало не хватать, когда я услышала стук в дверь на веранде.

Сейчас? Я не готова его сейчас видеть, мне нужно всё обдумать, ведь я.... Ах, иду!

Стук был громким и настойчивым, будто кто-то хотел спрятаться у меня, убегая от хищника.

Я знала, что это он. Максим. Я открыла дверь и даже не взглянула на него, а быстро пролепетала в комнату.

И вот, я стою у камина, укрывшись пледом, а он стоит напротив меня. Я не знаю, может в тот момент у меня текли слёзы, или я улыбалась, или злобно оскалилась или надула ноздри... Я не понимала, что со мной происходит и стояла в туманном забвении. Я видела его, живым, здоровым, и таким же обаятельным, каким он предстал передо мной в первый раз.

Сколько мы молчали я тоже не знаю. Я потеряла счёт времени. Но в конце концов тишина пронзилась его голосом.

– Что только не говорили обо мне... Но правда в том, что старик пришёл в самый последний момент. Этот дом, в который ты въехала, раньше он тут жил с женой. Потом, когда мы с Кристиной купили свой дом тут и переехали в него, забрали его к себе.

Моё отсутствующее выражение лица приняло более менее адекватный вид. Максим присел на диван, и последовала за ним.

– Мы не были знакомы так хорошо, как тебе говорили, и любви такой большой не было. Она просто забеременела от меня. И мне пришлось. Потом ребёнка она потеряла. Странно, но я был рад этому. А она спятила. Потом я не выдержал, и тогда и подумали, что сельская местность пойдёт ей на пользу. Мы и года тут вместе не прожили. Ну а потом... Ты знаешь, что было.

– Ты убил жену и замаял это дело. И стал издеваться над стариком...

– Ты тоже спятила? Никого я не убивал, ты не понимаешь?

– Нет, объясни!

Я подскочила с места, не в силах больше сдерживать себя. Как можно так нагло врать! Он надеется на мою доброту и на то, как он хорош собой? Думает, это сгладит его вину передо мной и перед всеми? Было бы всё так просто...

– Она сама подожгла себя, у неё была истерика. Она страшно смеялась при этом. Другие кричат, просят о помощи, а она смеялась. Она была счастлива... Но, мне ничего не оставалось, как бросить её горящую в пруд, я думал, что так потушу огонь. Но этот огонь, что горел у неё в душе, не потушить водой. Она утонула. Дед её пришёл тогда, когда я уже вытащил её тело из воды. Я сидел склонившись над ней. Я плакал, мне было очень жаль её. Однако, я принял её смерть. Знаешь, что было самым ужасным в её смерти? Она улыбалась. Она улыбалась, когда умирала, и эта улыбка по-смертно запечатлелась на её лице...

– Как мне хочется тебе верить! – вздохнула я сокрушаясь.

– Так верь же! Не для этого ли ты меня искала?

Я не могла собраться с мыслями и переварить им сказанное.

– ...А маска? При чём тут она?

– Маска? Да ни при чём. Впервые я увидел её у тебя в доме.

– Но один человек, которому она раньше принадлежала, сказал, что помнит тебя, как ты брал её в аренду и не вернул.

– Что? Как ты это разузнала?

Я скрестила руки на груди и встала в позу ожидания объяснений, легонько постукивая носиком туфель.

– Я мог бы не рассказывать... Но ты ведь не отстанешь? – он поднял бровь. А я покачала головой. Я была слишком решительна.

Что кроется за этой маской, какая у неё тайна?

Максим набрал полные лёгкие воздуха и выпалил:

– Я взял её для ролевых игр.

Теперь выдохнул и слегка покраснел, глаза его стали... Что?? Ролевых игр...?

Я округлила глаза. Он решил разъяснить.

– Моя последняя любовница любила такое. И я взял её у того парня из театра. Мы встречались с ней в этом доме. А потом всё усложнилось. Смерть жены, обвинения деда, его безумие... И я забыл вернуть. У меня всегда были ключи от этого дома. И ты не знала, но арендодателем твоим тоже был я, как и продавцом. Когда бумаги пришли, я понял, что ты вернёшься сюда. И тоже вернулся. До этого решал дела в Москве.

– Последняя любовница?

– Эмм... Может сейчас не будем об этом? Ладно! – прикрикнул он, сдаваясь под моим надутым взглядом.

– Ну, я не любил её. Жену. И у меня было достаточно дру-

гих женщин. Конечно, это было после того, как она стала сумасшедшей.

– Теперь эта маска в моих руках.

– Понял. Можешь вернуть её владельцу. Или оставить себе.

– И что я буду делать с ней?

– Лично я не хочу, чтобы между нами было подобное.

Я кивнула. И в миг поняла, что нужно сказать.

– Между нами будет тело.

Максим поднял бровь в знак вопроса.

– Тело между нами.

ПОСЛЕ ТЕБЯ

– Кажется, у меня обгорели пятки!

– Ты так думаешь? Дай-ка посмотрю. Да, они через чур красные!

Боль при ходьбе будет напоминать тебе об этих днях, что мы провели в этом месте.

– Чтобы я помнил их вечно, не обязательно было спалить пятки на солнце! Ты тоже не хочешь уезжать?

– Да, – хмыкнула я.

2 недели, проведённые на Маврикии, дали понять мне, что именно такая жизнь мне по душе. До этого я жила не своей жизнью.

Мы копили на этот отпуск 2 года. С того самого дня, как

Максим пришёл ко мне, чтобы рассказать правду. С того самого дня мы не расставались.

Лучшее, что могло произойти со мной – это он. Сколько мы провели нежных и тёплых ночей вместе, сколько встречали яркий рассвет летом и укрывались от холода под одним пледом зимой. Я продолжала писать картины, и перемены в жизни сказались на моём почерке. Кира по настоящему настаивала на том, что мои картины стали более живые и более волшебные. В них было то, чего не хватало раньше. Яркость, свежесть, чудо.

Мы вернулись с двухнедельного путешествия и было сложно свыкнуться с мыслью, что следующая поездка теперь будет не скоро. Максим по прежнему занимался адвокатурой, но дела приходили слишком простые, за них платили мало, а мои картины приносили лишь эстетическое удовольствие – покупать их мало кто хотел, а если и покупали, денег много за них выручить никак не удавалось. Однако, мы не бедствовали. Жили так, что не отказывали себе ни в любимой еде, ни в развлечениях. Часто ходили в кино, ездили на концерты и изредка путешествовали по России.

Несколько раз к нам приезжала сестра. Она обычно отдыхала за границей, но в тот раз дела её шли не очень, и дорогой отпуск она себе позволить не смогла. Кира тоже приезжала, два или три раза. И каждый раз она рассказывала о том, как несчастен мой бывший муж со своей нынешней женой. Мне

не казалось, что он был несчастен, скорее так думала Кира, или просто хотела ещё раз сказать мне, что я поступила правильно, выбрав Максима.

Максим ушёл в посёлок по делам, а я была дома. Мне не здоровилось последние несколько дней после того, как мы вернулись из путешествия. Мой иммунитет сказал "спасибо" перелёту, и ещё сказал, что больше такого не хочет. Мне постоянно хотелось спать, была небольшая температура. Из-за слабости я почти не вставала с постели. Читала, делала наброски. Максим подкинул идею, как развить мой потенциал художника. Он предложил мне попробовать себя в дизайне одежды. Свободного времени было много и я решила попробовать. Было трудно.

– У меня получаются примитивные вещи. Да такую одежду в любом магазине можно найти!

– Чуть больше терпения, милая, и всё получится. Выдумай себе сказочный мир. Во что бы наряжались тамошние красотки? Принцессы, эльфы всякие, короли.

Его улыбка придавала мне сил. Она всегда была такой светлой и доброй, что это тепло распространялось и на меня. Его голос всегда успокаивал меня, был для меня путеводной звездой, целителем и мотиватором.

– Да, знаю Кира, идея отличная. Но как Максим меня не вдохновлял уже! Всё без толку.

– Попробуй создать линию одежды для определённого класса. Для домохозяек, которые всегда мечтали быть королевами и носить шикарные платья. Что-то вроде микса фартука и роскошного бального наряда, а?

– Звучит не плохо, и выглядеть возможно будет тоже не плохо, но носить такое вряд ли будет удобно.

– Может, линия одежды для священников?

Я засмеялась в трубку.

– А что? Подумай над этим. У них же есть жёны, они тоже хотят наряжаться. Пусть это будет одежда, которая соблюдает все правила духовенства, но отличается изысканным покрывом, материалами, ну и так далее.

– Честно говоря, я не смыслю в моде. И уж в том, из чего шьют одежду, тем более. Я просто пишу. Для меня не сложно придумать образ, наряд, но это может идти в разрез с правилами кройки и шитья.

– Кройки и шитья! Мы что в школе? Послушай, детка, в этом мире уже давно все отступают от правил. Взять хоть меня. Я уже 2 недели как живу с мужчиной под одной крышей. И знаешь, мне нравится. Он всегда рядом, с ним весело, есть о чём поболтать, ну и ночью...

– Я безумно рада за тебя! Но если это только потому, что так живёт большинство, возвращайся к старым привычкам. Тебе не стоит изменять себе в угоду другим... У меня вторая линия. Поговорим ещё, позже.

– Ох, ладно. Целую! Одежда для овдовевших жён, кото-

рые ненавидели своих мужей! Подумай об этом! – кричала она в трубку, когда я уже хотела отключиться.

– Да, да. Целую

Незнакомый номер. Я ответила. Со мной говорила какая-то женщина.

– Ника, правильно?

– Да, да. С кем я говорю?

– Я Лера. Я с вашим мужем... Я жена вашего бывшего мужа. Точнее, скоро уже бывшая жена. Произошло кое-что. Я не могу позволить своей дочери смотреть на всё это. Ему тяжело, он хочет поговорить с тем, кто поймёт его и просит, что бы вы приехали.

Я не смогла ничего ответить, да и сама Лера повесила трубку. Похоже, случилось что-то, от чего мой бывший муж стал обузой для своей любовницы.

– По одному его зову ты бежишь, будто... будто для тебя кроме него больше никто не существует.

– Как ты можешь так говорить? Боже, Максим! Это всего на несколько дней. Он просто хочет меня видеть. Это нормально. Мы прожили бок о бок больше 10 лет, и его желание больше чем логично. Я ведь даже не знаю, что с ним. Может, его дни сочтены и он не хочет уходить не извинившись. Хотя, за что ему извиняться, за то, что мы просто не любили друг друга...

– Теперь, когда он стал никому не нужен, он захочет вернуть тебя. Он стал калекой или сумасшедшим. И хочет, чтобы ты до конца жизни была его сиделкой.

– Мне то что с его желаний? Я этого не хочу, а значит этого не будет.

Утром я уже ехала в поезде. Я предложила Максиму поехать со мной.

– Если он захочет прекратить свои мучения, я обязательно этому поспособствую.

Поэтому пришлось ехать одной. Всю дорогу я переживала, не слишком ли Максим принял это к сердцу. Он был крайне расстроен, если не сказать зол, когда я окончательно известила его об отъезде сложенными в сумку вещами. Весь вечер перед тем, как мне пришло время ехать, он не разговаривал со мной.

Я зашла в свою бывшую квартиру. Здесь было уже очень многое изменено, видимо, новой хозяйкой. Я удивилась, когда увидела на стене до сих пор висевшие картины, которые я написала еще во время нашего медового месяца.

Я прошла в комнату, которая раньше считалась моей. Тут я работала, отдыхала, мечтала, напивалась... В ней всё осталось по-прежнему. Почему?

Он сидел лицом к окну. То самое окно, в которое я смотрела когда мне было и хорошо, и плохо.

– Так и не привык, что эта комната пуста.

– Привет.

А что я могла ещё сказать? Я мялась в пороге и боялась сказать что-то не то.

– Я рад что ты приехала. Я сделал тебе столько плохого. Никогда не ценил тебя. Сравнивал тебя с другими. Но ты всегда отличалась, за это я тебя тогда и полюбил.

– Ты не был одинок в своих суждениях обо мне.

– И всё же прости меня. Если бы я понял тебя, если бы ты сама объяснила мне... Как ты сейчас живёшь вообще?

– Вряд ли хуже тебя, – я пыталась улыбнуться, но поняла, что моя шутка была бестактной.

– Извини. Мы недавно вернулись с Маврикия. Накопили на эту поездку. Было прекрасно. Там так красиво и тепло. Максим умудрился весь обгореть на солнце, а на мне и пятнышка не осталось.

Я прошла в комнату и села на свой любимый диван, он подъехал на коляске и оказался напротив меня.

– Да, ты всегда долго загорала. Да загар к тебе вообще не приставал. Помнится, я однажды заставил идти тебя в солярий, чтобы никто не подумал, что я не балую жену отдыхами на море.

– Я тогда отказалась. Не люблю я...

– Да, не любишь всё, чем занимаются обычные девушки. Салоны красоты, массажи, солярий... Никогда не было тво-

им. Но ты умудрялась всегда оставаться в прекрасной форме, при этом каждый день пить сладкие напитки и я не помню, чтоб ты хоть раз отказала себе в еде. А лица прекраснее твоего мне так и не довелось увидеть.

Он рассказал мне, что в один роковой день, когда ехал с работы, столкнулся на дороге с такси. Теперь он не мог ходить, а руки его были очень слабыми.

-Ты хотел меня видеть. Вот я. Что ты хочешь от меня?

Он немного помолчал.

- Она ушла, и дочь забрала с собой. А я и не стал держать. Кажется, съехаться с ней было не совсем хорошей идеей. Я приходил домой и меня ждало то, что я всегда требовал от тебя. Ужин, порядок, объятия. Но всё было каким-то чужим. Ты единственная, кто остался у меня. Хотя и ты теперь не моя.

Он был очень грустным и я не понимала. Он хотел разжалобить меня или говорил искренне?

- Что ты хочешь?

- Ничего. Хотел поговорить с тобой. Знаешь, если бы со мной не случилось этого, я уверен, что ещё через какое-то время попытался бы тебя вернуть. Я мог бы ползать на коленях перед тобой, хоть до конца дней, и ждать, пока ты простишь и примешь меня.

- Ты бы провел конец своих дней, ползая на коленях. Нет,

я не такая надменная, не подумай...

– Я не думаю так. Ты встретила того, кого полюбила и хочешь быть с ним. Я понимаю тебя. Пока я тебя не потерял, я этого не замечал...

– Чего?

– Что люблю тебя, больше жизни. Но слишком поздно. Если бы я понял это раньше, я бы принял все твои жизненные принципы. Я бы так не настаивал на детях. Больше бы проводил время с тобой, а не с работой. Но самолюбие захватило меня...

– И к чему эти откровения?

– Я хотел попросить тебя быть рядом. Потому что ты единственная, кого я хотел бы видеть перед тем, как умру.

– Умрёшь? Брось! Да, ты не можешь ходить... Но ты не умираешь. Да, это тяжело принять, но жить дальше можно!

– Как можно назвать это жизнью? Я потерял работу, ради которой пренебрегал любимой женщиной, мать моего ребёнка и дочь тоже потерял. У меня осталась только жалость со стороны окружающих. И тебя я тоже потерял...

Я видела, как он сдерживался, чтобы не плакать.

– Через месяц я лечу в Швейцарию. Наше законодательство не разрешает эвтаназию, а из всех стран, где она легализована, иностранцев принимают только в Швейцарии. Я уже отослал документы и мне пришёл ответ. Я подхожу им и они смогут мне помочь.

– Отослал документы и подходишь им? Это что, приём на

актёрский факультет? Это жизнь, твоя жизнь, какой бы она ни была!

– Она уже не моя, Ника, не моя! Моей жизни больше нет. Нет прошлого меня, и не будет.

– Но, это не повод умирать! Ты эгоист, настоящий эгоист!

– Эгоист? А о ком мне думать? У меня нет никого, кто бы оплакивал меня. Те, кто был ушли. Никого не осталось. Я не могу позволить себе даже этого – переживать о тех, кого оставлю.

– Но ты же позвал меня.

Я видела, как он подавляет слёзы, но я это делать была не в силах.

– И я знал, что ты придёшь. Не потому что ты так дорожишь мной. Потому что ты всегда была такой. Ты любила даже тех, кто тебя ненавидел. И я знаю, что ты не будешь сокрушаться, когда я умру, а порадуешься за меня.

– Как я могу радоваться твоей смерти? Ты хочешь, чтобы я еще и присутствовала при этом? Разве не с тобой я провела столько лет своей жизни, своей молодости! Хотя бы из уважения к этим годам, чтобы они не были потрачены зря, я хочу, чтобы ты жил.

– И мучился. Ты права. Хотя бы из уважения к тем годам, что я украл у тебя, позволь мне оставить тебе годы, которые ты проведёшь счастливо.

– Я могу быть и счастливой и без твоей смерти, и если это случится, я точно не буду счастлива.

– Но я буду. Знаю, я этого не заслужил. Но из уважения к прожитым вместе годам...

– Хватит! Это безрассудно. Я буду рядом столько, сколько потребуется, чтобы ты передумал.

– Прости. Мне придётся остаться тут на какое-то время. Положение хуже, чем я думала.

– В смысле? Ты остаёшься с ним?

– На время. Я говорила с ним. Он хочет покончить с собой. Через месяц он решил лететь в Швейцарию на эвтаназию

– И что, все это время ты будешь подле него?

– Я буду рядом, пока не заставлю его передумать.

– То есть это может быть месяц, а может и год?

– Я не знаю...

– То есть ты остаёшься с ним, будешь снова жить с человеком, от которого так долго пыталась уйти?

– Не с ним. Для того, чтобы он жил.

– А я? Я должен всё это время ждать тебя? Откуда мне знать, что ты не останешься с ним навсегда?

– Что ты несешь такое? Люблю я тебя, а не его. Давай больше не будем об этом. Я уверена, меньше чем через 2 недели я уже буду в своей родной постели, объятая твоими руками. Ты же не думаешь, что я сама хочу здесь на долго задерживаться? Мне это не в радость. Но даже если бы мой самый злейший враг попросил меня прийти, перед смертью,

я бы пришла. Такой я человек. И если ты этого еще не понял, то теперь знай. Люблю тебя.

Я отключила телефон.

Я хотела меньше всего на свете ругаться с Максимом, и чтобы он потерял доверие ко мне.

Первые несколько дней я не могла привыкнуть к новому положению. Почти каждый день он говорил мне, что я могу ехать домой, а когда придёт время, мы вместе полетим в Швейцарию.

Я не принимала этого. И все несколько дней думала, как переубедить его.

– Так значит, ты хочешь, чтобы я передумал?

– Да. Определённо.

– А после? Ты уедешь к Максиму?

– Да, но... Я буду тебя навещать! Если захочешь конечно.

Мы сможем приезжать вместе с Максимом.

– Увидеть, как женщина, которую любишь, смотрит на другого так, как ты хотел бы чтобы она смотрела на тебя. Уж лучше я совершу самоубийство. -он улыбнулся. К своей незавидной судьбе он стал относиться с иронией и принимал всё как должное.

Он знал, что я из жалости с ним, и постоянно просил меня уехать, говоря о том, что позвал лишь для того, чтобы всё обсудить с глазу на глаз, чтобы я увидела его и поняла положение, и согласилась побыть рядом в его последний день. Все мои попытки вернуть бывшему мужу желание жить дальше,

были не слишком успешными, но и отвергать он их не стал.

– Я говорил, что это плохая идея, Ника.

– Откуда я знала, что тут на входе нет пандуса.

Так провалилась моя попытка отвезти его на квест.

Я знаю, что он никогда там не был.

Он был слишком серьёзен для этого. А вот мы с Кирой ходили туда чуть ли не каждый месяц. Я обожала квесты с неожиданными появлениями чудовищ и трудными логическими задачами.

На следующий день мы пошли в кино, и заехали в парк на прогулку. Все смотрели на человека в инвалидном кресле, как на нечто инородное для этого мира. Я думала, что люди стали толерантнее. А может, они так смотрели из-за меня, потому что я прыгала со сладкой ватой в руке из стороны в сторону, из-за чего она упала на землю, а я её потом собирала в пакетик.

Я просто не хотела оставлять мусор на дороге. Не подумали же все, что я потом хотела её съесть?

Наверное, лет 20 назад, я бы могла сделать это. Потому что до 18 лет я не знала, что такое сладкая вата, карамель, леденцы. Не знала ничего о квестах, комнатах страха и смеха, аттракционах. А потом я встретила своего будущего мужа, мы быстро поженились, и он показал мне мир. Показал, что денег может быть столько, чтобы не отказывать себе в том, что ты хочешь, и не думать, что на завтра денег уже нет,

и есть будет нечего. Дал понять, что в мире есть не только плохое, и люди могут быть не только плохими. Конечно, изначально я это знала и верила в это. В моих детских мыслях всегда жила надежда на мир и доброту во всём мире.

И я всегда буду бороться за то, что в жизни хорошего гораздо больше, чем плохого.

На следующий день, после того как мы гуляли в парке, мы сошлись на том, что пойдём на рок-концерт. Я всегда мечтала попасть на такой концерт.

Но это оказался не рок-концерт, а какой-то квартирник, где чуваки из 90-х пели песни Цоя, или что-то вроде этого.

В довесок ко всему, увидев человека на коляске, многие стали уступать место, помогать с передвижением кресла, а кто-то возмущался, что рядом с ними инвалид, и "уж лучше б он дома сидел".

– Видишь, что мне достаётся от людей. Только жалость и ненависть.

Вернувшись, я словила себя на мысли, что те развлечения, которые мы пробуем, интересны мне. Я делаю это в угоду себе, а не ему.

– Завтра мы пойдём туда, куда ты захочешь. Предлагай сам. А я сделаю, всё что в моих силах.

– Честно, я хочу завтра побыть дома. Я очень устал от этих вылазок и косых взглядов.

– Тебе лишь кажется. Всё будет хорошо, если мы...

– Ника, пожалуйста... Я устал.

Я уложила его спать, а сама уселась на свой любимый диван. Пол ночи я размышляла о том, как помочь ему, но все идеи были шаткими.

– Не спишь? Знаю, что звоню поздно, но хотела узнать, как твои дела?

– Как у меня могут быть дела? Моя женщина уехала к бывшему мужу.

– Это ведь на время.

Максим тяжело вздохнул в трубку.

– Ладно... Ну хоть сдвиги есть какие-то? Уже несколько дней прошло, а толку как погляжу, 0.

– Пока нет. Но я действую как-то неправильно.

– Тебе надо дать понять, что ему есть ради чего жить. Пусть о дочери подумает. Прочитай ему историю, как маленькая девочка жила без отца и как очень хотела его найти.

– Иногда, лучше не знать кто твой отец, Максим. И не искать его, а жить своей жизнью. Для Ани он отписал наследство. Мать скажет ей, что отец погиб в аварии, и девочка будет помнить только хорошее, только правду.

– Так ты считаешь его хорошим отцом?

– Отцом? Возможно. Скорее всего, да. Может он не был хорошим мужем, но он очень любит свою дочь. Да и если у него не вышло со мной, это не значит, что он плохой. Может это я какая-то неправильная...

– Так, начинается. Хватит во всем винить себя. От этого никому не станет легче. И не оправдывай его, от этого тоже правда не изменится.

– Я не оправдываю его. Но мне его очень жаль, Максим.

– Я это понял. Тебе жаль его, его дочь, его любовницу. Всех, короче. Кроме меня.

– О чём ты? Разве ты прикован к коляске, без возможности даже попить самому?

– При чём тут это? Или чтобы ты оказалась рядом, мне нужно стать инвалидом? А это идея, может тогда ты одумаешься и вернёшься.

– Не будь эгоистом! Мои чувства тоже задеты, мне тоже тяжело.

– Тебе тяжело и ты ищешь утешение в бывшем муже? А в ком мне утешение искать?

– Какое утешение, о чем ты? Он не здоров, он погибнуть хочет, а ты об утешении говоришь!

– Ты станешь его утешением. А я стану утешением для другой. Это будет, Ника. Если ты не вернёшься как можно скорее.

– Ты ставишь мне условие?

– Предупреждаю тебя. Я не могу вечно ждать тебя, позволять впустую тратиться моему времени, пока ты утешаешь бывшего мужа.

– А ну замолчи! Разве это было в тебе всё это время? Нет. И не нужно быть таким, каким ты не являешься.

И снова я отключилась. Почему этот человек, за 2 года что мы были вместе, ни разу не повысивший на меня голос, ни разу ни в чем не обвинивший, который говорил «люблю», сейчас, когда я оказалась в трудном положении, ещё больше накаляет обстановку?

Ему нелегко. Конечно, ведь со стороны выглядит всё именно так, будто я бросила его ради бывшего мужа.

Но я не могу позволить ему умереть, даже не попытавшись что-то изменить. Я за жизнь, а не за смерть.

Я пробыла уже в старой квартире больше 3х недель. Речь о Швейцарии пока больше не заходила.

Утром я приготовила завтрак. Потом убралась в квартире. Помогла своему бывшему мужу умыться и поесть, и после обеда опять уснула, читая книгу.

Вечером я предложила выйти на прогулку, но он отказался.

– Я никогда не понимал твою любовь к нему.

Он заказал ужин, и нам доставили пиццу 4 сыра и 2 латте с зефирками.

– Это потому что ты никогда не пробовал его.

– Он очень сладкий. Но оказывается, не настолько, как я думал.

О чём мы только не говорили в тот вечер. И об искусстве,

и криптовалюте, и о сельской жизни.

– Думаю, я смог бы там жить только при условии, что будет хороший интернет. И не будет коров. Ты знаешь, я их боюсь.

– А ещё змей.

– Отца укусила змея. Мне было 8 или 9, ну я рассказывал тебе. Нога так распухла, боялись, что придётся резать...

– Тебе было 11.

Я улыбалась ему. И получала улыбку в ответ. Вот уж не думала, что когда-нибудь такое увижу!

Мы разговаривали так легко и непринуждённо, как никогда раньше. Лишь в первые года 2 совместной жизни мы могли позволить себе такие вечера.

– Ты познакомилась с ним, когда впервые туда поехала?

– А?

Я сделала вид, что не расслышала вопрос. Мне не очень хочется говорить с тобой о моем нынешнем парне!

– Да, -ответила я, когда он переспросил.

– Я уверен, что ты счастлива с ним. Он наверняка переживает. Позвони ему. Скажи, что скоро приедешь.

– Я скажу ему только если буду знать, что ты передумал.

– Ради ещё одного такого вечера стоит жить.

Я улыбалась! Победа!

– Таких вечеров будет не один, Андрей. Я буду навещать тебя, так часто как смогу.

– Позвони же ему, пусть не тревожится.

В скором времени я уже ехала на поезде домой. Перед отъездом Андрей дал мне письмо, которое прочитать я должна, только тогда, когда буду уже дома. Это было его желание, и я не видела поводов не сделать этого. Так даже интереснее. Но дорога казалась скучной и долгой, из-за того, что мне не терпелось прочесть письмо.

– Почему не отвечаешь? Я уже на вокзале, скоро сяду на маршрутку и через часик буду дома!

– Оу. Понятно.

– В смысле? Я думала ты встретишь меня.

– Нет, не смогу. Я уехал.

– Что за шутки, Максим! Мы не виделись почти месяц!

– Именно. Ты же не думала, что я вечно буду ждать тебя?

– Разве месяц это вечность?

– Для меня без тебя – да.

Ну и шуточки у него! И положил трубку. Давно он мне так не портил настроение.

Я открыла дверь в дом, который был пуст. Он не шутил.

"Ты наверняка уже дома, раз читаешь это письмо. И раз читаешь его, то я уже в Швейцарии. Уговорить меня передумать никто уже не мог. Прости, но я знал, что больше ты такого вечера мне не подаришь. У тебя есть тот, кого ты лю-

бишь, и ты должна быть рядом с ним. А я любил тебя. И я потерял тебя. Если бы всё было иначе, возможно, я бы предложил начать всё сначала. Однако, я рад тому, что произошло. Это дало мне понять, что я не был кому-то нужен, кроме тебя. Лишь ты одна была со мной до конца. И я увидел в тебе то, что не замечал столько лет. Твоё жизнелюбие, твоя радость. Ты вся светишься. Как хорошо, что есть тот, с кем ты можешь быть собой. Прости, что не дал тебе той любви, которой ты всегда была достойна. Может, просто я не был достоин тебя. Ты моя единственная, всегда будешь моей, даже если сама того не знаешь и не хочешь.

Все свои сбережения я разделил на две равные части. Для двух моих любимых женщин – тебя и моей дочери. Ты можешь распорядиться ими как хочешь, но советую тебе посетить галерею "... " в ... Там много прекрасных работ. Еще я советую тебе организовать выставку, свою, и желательно за границей, но начать можешь и с России. Твои картины – нечто магическое и таинственное. Они редко были мне понятны, но уверен, что найдутся гении, разделяющие твои взгляды. Живи, люби того, кого хочешь, ешь любимую еду и пей свой латте с зефирками, который, к слову, меня всегда раздражал. Я пишу это и смеюсь.

Николь, живи так, как всегда хотела жить, и оставайся такой, какая ты есть. За это люблю тебя не только я, но и весь мир. Андрей."

Теперь я не знала, что делать дальше. Снова искать Мак-

сима, или начать новую жизнь.

Спустя 4 месяца.

– Кира, Через 2 месяца, в Бельгии, в ...холле, состоится моя персональная выставка. Центральной её фигурой будет эта картина.

– Ника... Ты сделала это! Нужно это отметить! А картина! Она так изысканна, Боже мой. Я всегда говорила, что ты не просто талантлива, ты гениальная! Ты разделась, чтобы сделать эту картину?

И как всегда, в нашем любимом кафе, Кира переоценивала мои таланты.

– Кого мне стесняться, себя рисовала я. А всё, что не нужно видеть другим, скрыто.

– Это несомненно твоя лучшая работа. И эта маска... Она такая таинственная. За ней что-то стоит, а? Откуда она у тебя?

– Это просто театральный реквизит. Ничего больше.

– Хорошо. Так что, через 2 месяца ты будешь в Бельгии. Завтра у тебя вылет во Флоренцию, через 2 недели ты будешь в Праге. Куда ещё тебя занесёт?

– Перед выставкой в Брюсселе я хочу побыть дома. Приготовить описания картин, как они писались, какими чувствами были вызваны и какие чувства у меня вызывают сейчас.

Здесь в квартире живёт Лера с дочерью, мы так договорились. Тот дом я продала. Думала погостить у сестры, но скорее всего сниму какую-нибудь студию, чтобы была тишина и покой.

– Ну а после выставки?

– Я обязательно слетаю в Перу, на Галапагосы, и в Австралию, на побережье океана. В мире столько прекрасных мест. И как жаль, что жизнь слишком коротка, чтобы увидеть их всех.